

адресу²³. Байрон был мастером и серьезной характеристики. Не забудем хотя бы его отзывы о Шелли, которые до сих пор сохранили свое значение²⁴.

Литературные характеристики Байрона, как правило, характеристики личности писателя и лишь в последнюю очередь — его произведений. Так говорит он о Скотте, Муре, лексистах, о презируемых им поэтах «школы кокни». Скотт в его изображении — человек с неординарным здравым смыслом, с широким и ясным взглядом на жизнь во всех ее сферах, от самой высокой до самой низкой, человек мужественный, независимый, верный слову, не склоняющийся перед приговором света и рыцарски защищавший его, Байрона, от обрушившихся на него гонений. Таковы же и его книги — прямодушные, всеведущие, увлекательные²⁵. Он и Мур, по Байрону, единственные литераторы, от которых не пахнет писательством. У всех остальных не то перо за ухом торчит, не то пальцы в чернилах²⁶. В записи о Бернсе акцент также поставлен на характере поэта: «Какая противоречивая душа! Нежность, грубость — изысканность, непристойность — чувствительность, чувственность — взлеты и унижения — грязь и божество — все смешано в этой частице вдохновенного праха»²⁷.

Рисуя в письмах множество людей, Байрон в то же время невольно характеризует и адресатов (той или иной степенью доверительности, серьезности или насмешливости своих посланий), но больше всего, разумеется, себя. В письмах выявляются разные стороны его личности. Он и тяжелый меланхолик, предающийся горьким размышлениям о несообразности мирового устройства, и беспечный остроумец, любитель крепкого слова (необязательно печатного), и циник, схватывающий смешные черточки окружающего («у меня склад ума такой, что мне прежде всего представляется нелепая сторона всего»)²⁸, и пылкий влюбленный, и темпераментный борец, который бросается в схватку, чтобы заступиться за слабого и обиженного²⁹.

Сложность духовной жизни автора и многообразие его связей с миром отражаются в многообразии подчиненных ему выразительных возможностей. Лирический монолог, повествование (включающее анекдот, исторические и литературные реминисценции), отвлеченное рассуждение, образцы политического красноречия, комический диалог, поэтическое описание составляют пестрое и причудливое целое.

3.

Характернейшей чертой прозы Байрона представляется ее обширный стилистический и лексический диапазон, от разговорно-бытовой лексики и фразеологии до высоких метафор, от иронии и антитезы к эмоционально-лирической сфере, от стиля философско-обобщенного к повседневно-повествовательному. Эти переходы осуществляются иногда внутри одного и того же письма (или журнальной записи), а иногда заметны при сопоставлении разных писем или записей, хотя бы относящихся к одному и тому же дню.

Сомнения, выраженные на языке, смешивающем лексику чувства и синтаксические структуры устной речи с отвлеченной лексикой общих

²³ Письмо к Меррею 4 июня 1817. — Ibid., v. IV, 127—129.

²⁴ Письмо к Меррею 1 сентября 1822. — Ibid., v. VI, p. 157; также письмо к Муру 4 марта 1822. — Ibid., v. VI, p. 32—33.

²⁵ Запись 12 января 1821. — Ibid., v. VI, p. 4; Письмо к Бейлю 29 мая 1823. — Ibid., v. VI, p. 220—221.

²⁶ Письмо к Меррею 25 марта 1817. — Ibid., v. IV, p. 85.

²⁷ Запись 13 декабря 1813. — Letters and Journals, v. II, 376—377.

²⁸ Письмо к Муру 8 марта 1822. — Ibid., v. VI, p. 39.

²⁹ Интересную характеристику Байрона см. у Drew E. George Gordon, Lord Byron. — The Literature of Gossip. Nine English Letter-Writers. New York, 1964.